

Темная ночь опустилась на притихшую деревню. Большая круглая луна свысока смотрела на маленькие дома, заливая их светом. Дым не валил из печей, как бывало зимой. Одинокий ветер шагал по верхушкам деревьев и нежно трепал их зеленые, тонкие ветви. Волки, чувствуя себя хозяевами леса, громко и протяжно выли. Их было ровно двенадцать – деревенские мальчишки ради забавы пересчитывали их по голосам, все они были совсем разные. Взрослых эта свора уже не пугала. Волки бродили около деревни, но не пытались напасть. «Леший им выйти не дает», – говорили местные.

Собаки собрались в стаю возле плетня, вторя им, пока дверь избы не распахнулась и из дома не вышел человек. Он прикрикнул на распалившихся псов, те замолчали и, тряся облезлыми рыжими хвостами, затрусили прочь по протоптанной деревенскими жителями тропинке. Молодой парень закрыл толстую деревянную дверь и тихо, аккуратно, чтобы не разбудить меньших ребят, сел на лавку рядом со сгорбившейся над лучиной старухой. Напротив нее сидел мальчишка лет десяти с золотистыми непослушными кудряшками и жадно ловил бабушкины слова.

– Бабушка, правда, что в ночь на Ивана Купалу можно цветок папоротника найти? – шепотом спросил мальчик.

– Можно, чего ж нельзя, – отвечала старуха, – отец твой сыскал цветок.

– Как? – удивился внук.

– Все праздновали, а его вдруг в лес потянуло. Глядим: после полуночи к костру возвращается. Шатался, как хмельной. На следующий день ушел, ничего не сказал. А через неделю, говорят, его в городе видели. Одетый был, как барин.

– Бабка, чего ты мальчишке голову морочишь? Поди уж, – прокряхтел с печи дед.

Он перевернулся на другой бок и снова захрапел, а старуха продолжала:

– Цветок этот дает человеку силу неведомую. Тот, кто сорвет его, сможет разговаривать с животными на их языке, видеть клады, владеть духами нечистыми, повелевать водой и землей, становиться невидимым, любое обличье способен принимать. Чтобы сорвать этот цветок, нужно в ночь на Ивана Купалу очертить круг ножом и прочесть молитву. Сорвавши цветок, нужно спрятать его за пазуху и бежать без оглядки.

Парень улыбнулся и махнул рукой:

– Ну и сказки ты рассказываешь. Спать уже пора.

Лучина, в последний раз восторженно выливая, поникла. Старуха влезла на лежанку, а парень и мальчишка – на лавку. Собаки выли уже на другом конце деревни, отовсюду гонимые. Большое серое облако

вдруг ненадолго укрыло луну, потом незаметно исчезло в черном небе.

После второго крика петуха деревня вздохнула, встрепенулась и ожила. Потянулись бабы с корытцами и ведрами к реке. Но воду черпали аккуратно, боясь потревожить нечистые силы. Коровы покорно ожидали, пока теплые женские руки добудут парное молоко и его запах разольется по всему хлеву. В избах собирались большие семьи за столом. Все угощались сырниками, ели овсяный кисель и пили компот. Солнце пекло лениво, моргало большим желтым глазом. Собаки, ночью тревожившие покой, спали в тени диких вишневых деревьев. Неспешно шла подготовка к празднованию Ивана Купалы. Со всей деревни стаскивала молодежь к берегу речонки хворост, из которого устраивали пирамиду. В центре нее возвышался шест. Мальчишки насадили на него смоляную бочку. Девушки плели венки из дубовых и березовых веток, пели песни. Еще до заката сошлись все на праздник. Солнце клонилось за горизонт, догорало на синем небосводе. Вечером разожгли огромный костер. Водили хороводы, парами прыгали через непослушный огонь. Злата не решалась прыгнуть одна. Она почувствовала на себе взгляд и обернулась. В стороне стоял парень, облокотившись о дерево, и пристально смотрел на девушку. Она сразу его узнала и подошла.

– Красивый у тебя венок, Злата, – ласково сказал парень.

На его лице отражались тени от языков пламени.

– Венок как венок, – смутилась девушка, – а ты чего тут, в сторонке стоишь?

– Да так. Дело к тебе есть.

– Какое же? – насторожилась Злата.

– Хочу, чтоб ты замуж за меня вышла.

– Ваня, – девушка ахнула, – ты что? Отец не разрешит. Ты... – Она запнулась.

– Ну!

– У вас в семье и без того забот много. Кормильца-то нет, а детишек вона сколько.

– Так я кормилец! – возмутился Иван. – Ты за это не переживай, все добуду!

– Я верю! Но отец не разрешит, а я против его воли не пойду, ты знаешь.

Злата опустила глаза. Доносились до речки слова, стлались по водной глади и бесследно растворялись в ней. Подружки уже потеряли девушку и звали ее обратно к костру. Она виновато улыбнулась, поправила венок и ушла к ним. Ивану стало совсем не до веселья. Он посмотрел на чернеющий гребень леса. Вдруг вспомнились ему бабкины слова о цвет-

ке папоротника. Они снова вызвали улыбку, но Ване это уже не казалось сказкой. «А что, – думал он, – если я найду цветок?» Иван вернулся домой, взял дедов нож и пошел в лес. На берегу костер разгорелся пуше прежнего. Вокруг него стоял визг, хохот. Все это осталось позади. Лес был немой. Идти приходилось осторожно. Но Ваня не раз был в этих местах, он помнил и о волках, и о болоте, которое ждало его впереди. Дальше него Иван идти не собирался, а решил, что как только болото будет перед ним, он развернется и пойдет обратно. Зато докажет всем свою храбрость, все ему нипочем.

Так бродил он с полчаса. Лапы елей свисали над головой. Иногда попадались поваленные стихиями старые стволы сосен. Лесная тишина давила и навевала страх. Вскоре ему надоело бродить по мшистым тропам, и он решил возвращаться назад. Внезапно подул легкий ветерок. Вдали меж деревьями показался маленький, яркий огонек. Голосов слышно не было, дым от костра не шел. По-прежнему было тихо. Ваня, словно мотылек, поддался огоньку и направился к нему. Сияние росло. Иван чувствовал под ногами протоптанную тропу, но не помнил, чтобы она была в этой чаще. Парень решил, что заблудился. «Понес же черт посреди ночи!» – вслух выругался Иван. «Никого не нес! Ты сам пошел!» – раздалось сзади. Ваня вздрогнул. Он уже хотел повернуться, но что-то внутри шепнуло: нельзя, иначе нечисть к рукам приберет. Иван, собравшись с духом, пошел дальше. Преследователь не отставал. «Ваня! – раздался крик в чаще. – Ваня, помоги!» Голос Златы был хриплым и словно ненастоящим. «Проделки нечистой силы!» – подумал Иван, продолжая идти. Сияние стало сильнее, Ваня раздвинул кусты и вышел на поляну. Лунные лучи падали, освещая куст папоротника. Парень подошел ближе и увидел маленькую почку. Он хотел ее коснуться, но она вдруг отпрянула от руки, прыгнула в сторону. Ваня пытался поймать, но почка прыгала вправо, влево, вверх и вниз, словно кто-то, играясь, водил ее. Тут Иван вспомнил бабкины наставления: начертил ножом вокруг себя и папоротника круг и стал молиться, дожидаясь полночи. Почка вдруг застыла.

Было так тихо, что голос Вани разносился по всей поляне. На опушке возник белый силуэт. Он будто смотрел сквозь парня, не видя его. Призрак начал увеличиваться, приближаться. Подняв глаза, Ваня увидел перед собой тощего мертвеца. Он держал в руках свою голову. «Кто здесь?» – спросила голова, вращая глазами. Парень дрожащим голосом продолжил чтение молитвы. «Это мой цветок!» –

вопил мертвец. Вдруг на поляне из ниоткуда появился огромный, со свисающими на глаза космами, старик. У него была борода из лишая, обросшее мхом лицо, а кожа казалась деревянной. «Что тут происходит? Кому понадобился мой цветок?» – громко закричал он, так что у Вани на лбу выступила испарина. Мертвец замолчал и подошел к лешему, хозяину леса.

В это время из-за огромной тучи вышла луна. Из почки показался маленький цветочек. Он начал расти и с каждой секундой становился все больше. Цветок горел, словно пламя, вырывающееся из горящего угля. Ровно в двенадцать часов раздался сильный треск, цветок расцвел. Его сияние на мгновение ослепило Ивана, но он вытащил нож и ловко срезал цветок. Луна вновь скрылась. Всю поляну заполонили черти. Леший разъяренно выли и клацал зубами. Парень схватил цветок и без оглядки побежал обратно. Вся нечисть, собравшаяся на поляне, во главе с лешим кинулась за Иваном. Он бежал, проклиная себя. В лесу стояла непроницаемая тьма. Ваня был так напуган, что напрочь забыл обратную дорогу. Но цветок, который он держал за пазухой, будто придавал сил. Тьма сменилась густым туманом. Вокруг булькала вода. Когда Иван понял, что он влез в болото, было уже поздно. Парень оступился, и жадная трясина начала затягивать его. «Погиб!» – пронеслось у него в голове.

В лесу снова воцарилась тишина. Туман расступился перед темнотой. Все вокруг было неподвижно.

Через несколько дней местные ребяташки нашли возле болота нательный крест.

Весть о том, что пропавший Иван утонул, разнеслась тут же. Старуха все время причитала. Дед ходил хмурый. Сразу после праздника начался сенокос. Деревенские жители старались помочь старикам, оставшимся без старшего внука.

Собаки больше не лаяли по ночам. Только волки тянули свои песни. Ребяташки, как обычно играя, насчитали тринадцать волков.

